

ІНТЕРВ'Ю З ВОЙЦЕХОМ ВЖОСЕКОМ

ВІД РЕДКОЛЕГІЇ: *Войцех Вжосек професор історії Університету імені Адама Міцкевича у Познані, головний редактор часопису «Sensus Historiae», віце-президент Польсько-українського історіографічного товариства. Займається західноєвропейською, зокрема французькою, теорією та історією історіографії, проблемами історичного мислення та історичної культури. Автор та редактор більше десяти книг з теорії та методології історії.*

22 березня у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна він прочитав лекцію, а також за його участі відбулася презентація книг: *Войцех Вжосек «Історія, культура, метафора. Постановня неklasичної історіографії. Про історичне мислення»* (Київ, «Ніка-Центр», 2012, переклад – В. Саган, В. Склокін, С. Серяков); *Єжи Топольський «Як ми пишемо і розуміємо історію? Таємниці історичної нарації»* (Київ, «К.І.С», 2012, переклад – Н. Гончаренко).

Пан В. Вжосек люб'язно погодився надати інтерв'ю для «Харківського історіографічного збірника».

Інтерв'юер: Посохов Сергій Іванович

Респондент: Войцех Вжосек

С. П.: Вас називають представителем и лидером познанской методологической школы, Вы сами себя называете учеником Єжи Топольського, который для многих историографов знаковая

фигура, скажите, насколько легко быть учеником и наследником Ежи Топольского?

В. В.: Сначала я хочу поблагодарить за приглашение. Ещё когда мы встретились недавно в Москве, я подумал: а почему бы и нет? Я никогда не был в Харькове, а мой университет, как я знал, сотрудничает с Вашим университетом. И когда организаторы презентации (Польский институт и другие) предложили поехать в Харьков, я не отказался, хотя понимал, что путешествие будет не всегда комфортабельным, уже потому, что путь предстоит далекий.

Трудно ли быть учеником Топольского? Я уже как-то отвечал на этот вопрос, и это интервью опубликовано в книге, которую Вы видели. Я был студентом Топольского, потом младшим сотрудником, коллегой, а потом другом. Могу сказать так – я с ним провёл почти 30 лет, и за 3 месяца до его смерти, на его юбилее, а тогда ему было семьдесят, а мне далеко не семьдесят лет ещё и даже не столько, сколько сегодня, профессор сказал, что я могу говорить ему «ты». Но я никогда после этого не сказал ему «ты», потому что у меня уже внутри было «профессор Топольский – это мой мэтр, это фигура, основатель мировой методологии истории».

Для меня Топольский также был своего рода «зонтиком», прикрывая меня от всяких неприятностей. Никто не мог меня тронуть, ни в каком плане, потому что я был, скажем так, «ребенком» Топольского. Это был защита перед другими людьми, но это была и честь: быть учеником Топольского и иметь такую эксклюзивную возможность учиться у него, у учёного, который и в своих ментальных и в своих интеллектуальных горизонтах – это был почти весь мир, без исключений! Мы могли приобщиться к его мышлению и его деятельности, а значит, – войти в мировое интеллектуальное пространство. Мы принимали именитых иностранных гостей, общались на многих иностранных языках, мы получили бесценный опыт и реальные международные связи и контакты.

С. П.: Разве это было типичным для Польши, предоставление

таких возможностей для научного развития молодых людей?

Это было необычно для Польши того времени, а это был конец 1970-х – начало 80-х годов. Да, это была исключительная возможность для развития: идти мысленными тропами Топольского, контактировать с его коллегами, общаться с ним у него дома и на работе, а мы провожали его по городу, ещё будучи студентами.

С. П.: Насколько я знаю, в Польше у него были и оппоненты?

В. В.: Да конечно были. Принадлежать, скажем так, к «секте» (или «свите») Топольского, значило получить свою долю критики. На нас распространялась та критика, которая была направлена на Топольского. В частности, по поводу его связей с марксизмом, потому что Топольский использовал так называемый «исторический материализм» (по-моему мнению, скорее в западной, французской или итальянской, версии) в своей методологии истории. Коллеги-поляки, которые всегда по идеологическим причинам не выносили марксизм (по ходу замечу, что есть коллеги, которые начали не выносить марксизм, когда это была уже неактуальная проблема, но выносили до этого... [улыбается]), так вот, те, кто, можно сказать, действовал в зоне диссидентства, они не любили Топольского из-за того, что они отвергали эту идеологию как господствующую. Однако, замечу, мы никогда не занимались марксизмом как идеологией. Когда я писал о Марке Блоке, то отметил влияние марксизма на французский структурализм, влияние марксизма чувствуется, так сказать «запах марксизма». Да, возвращаясь к теме, марксизмом мы никогда не занимались, но, несмотря на это, все отмеченные обвинения против Топольского переходили и на нас.

С. П.: Скажите, пожалуйста, вот Вы активно используете философские дефиниции. Историки, очень многие историки избегают их. Насколько сегодня всё-таки нужно историку обладать «методологически ориентированным воображением»? Это Ваше выражение, и я его лишь использую в данном случае.

В. В.: Да, да. Моё мнение такое, что сегодня уже нельзя не знать, не читать и хотя бы кое-что не понимать из того, что

было создано историками и теоретиками истории во второй половине XX века. По-моему неудобно, даже стыдно, не знать, не разбираться, не понимать в чём дело, нельзя уже говорить об истории в стиле XIX века. При этом профессиональный историк не обязательно должен быть методологом. Это область специального знания, методологи, как я говорю, - это «секта». Но это не только, скажем, узкая специальность, это особое мышление. Соответственно, мой взгляд таков: чтобы стать методологом сначала нужно получить философское образование, поскольку с одним историческим образованием в области методологии делать нечего. То есть обычный историк не обязан быть одновременно методологом, но он должен позитивно относиться к методике, философии истории, теории истории, методологии истории, потому что должен быть открытым интеллектуальным человеком, а не должен, априори, негативно к этому относиться. Ещё раз скажу, историку необязательно профессионально заниматься методологией, ибо тогда он будет не историком, а методологом. Но каждый историк должен понимать в чём дело, какие есть новые тенденции в области методологии.

С. П.: Спасибо. В одной из своих работ Вы использовали выражение «спектакль исторического познания». Скажите, пожалуйста, что-нибудь о режиссёре этого спектакля.

В. В.: Кроме режиссёра, есть ещё автор сценария/драматург, ещё нужна публика... Драматургом или автором сценария является культура. Историю, в основном, пишет культура. Это значит контекст культурный, в котором происходит вот этот спектакль. Но этот спектакль может меняться в зависимости от заинтересованности и настроения зрителей. На какие-то спектакли захотят прийти зрители, на какие-то нет... Спектакль пишет культура, она лежит в основе, она определяет «рамки»: имеются в виду и «рамки мышления», и «рамки поведения», и «рамки работы» режиссёра. Режиссёр – это конкретный историк, хотелось бы, чтобы это был историк большой, талантливый, умный, необыкновенный мастер. Многое зависит и от режиссера,

от расставленных им акцентов. Они нам дают возможность понять, что в нашей культуре, в которой мы живём, самое главное. Не имеет значения, что речь идёт о прошлом, потому что прошлое преобразуется нашей современной культурой, нашими, как я пишу в книге, современными метафорами, и получает определённую форму, благодаря вот этим режиссёрам, таким великим историкам. И сегодня наши современные историки дают нам возможность все это понять. Конечно, зритель может участвовать в этом творческом процессе, уже задавая вопрос: «Что происходит на сцене?». Но может быть и другой, вдумчивый зритель, который думает: «Что нам хочет сказать вот этот режиссёр»? И как это соотносится с оригиналом, какое это имеет отношение к Шекспиру, если это постановка Шекспира. Так вот, этот Шекспир – это культура, а постановщик даёт нам свою версию Шекспира, даже делает так, что три часа Шекспира сокращает для телевидения до полутора часов, потому что не помещается материал в соответствующие рамки. Сидеть три часа, вникая в подробности текста Шекспира и постановки, может не каждый. Нужно сделать перерыв, и постановщик по-своему говорит со зрителем, определяя, когда это лучше сделать. А зритель может быть в этом весьма заинтересован. Бывают такие зрители, которые прежде всего заинтересованы в антракте. Кто-то пришел в театр по непонятной причине, кто-то по снобизму или потому, что некуда было идти, бывают такие, которые приходят по указанию руководства институтов или каких-то учреждений, например, солдаты, школьники и т.п. Таким образом, есть очень заинтересованные зрители, которые приходят и внимательно смотрят за тем, что и как происходит на сцене, как герой кого-то обнял, упал или сделал там что-то еще, а есть такие, которые думают: какая нам разница, понял бы сам Шекспир эту постановку или нет. В этой зоне есть и специалисты (суровые критики, теоретики театра), которые со знанием дела думают о связях между текстом Шекспира и соответствующей постановкой. Аналогично между культурой и исполнением истории в исторических нарративах находимся

мы – методологи и теоретики истории. Мы размышляем над тем, какое же соотношение существует между так называемой реальностью и её практикой. Из этого рождается историография. Нас интересует проблема: что и как думали и думают люди о своём прошлом.

С. П.: Спасибо! Мне кажется просто блестящей такая вот зарисовка. И то, как Вы сейчас все это озвучили, тоже было потрясающим действием.

В. В.: Потому что Вы подбросили для разговора хорошую метафору, которая работает.

С. П.: Да, она действительно работает. Здорово! Но вот у Топольского есть еще такое утверждение: «ни одна историография не может убежать от идеологии». Ну а если Вы согласны с таким мнением, то от какой идеологии не смогли убежать Вы?

В. В.: Я могу сказать как, по-моему мнению, происходит защита суверенитета интеллектуального профессионального историка перед идеологией. Впрочем, об этом есть определённый фрагмент в моей книге, который называется «Тенденциозность истории». Там отмечено три уровня этой тенденциозности: один уровень, который нельзя преодолеть, – это, так называемая мною, «культурная тенденциозность», потому что культура даёт нам определённые возможности мышления, которые ограничивают наше мышление, но и дают нам определенную зону свободы. Если кто-то живёт в XII веке, он не может думать в категориях мышления человеческого, которое накопилось к XX веку. Но, одновременно, он не может думать как я, или например, кто-то ещё (спасибо Всевышнему?). Культурную тенденциозность нельзя преодолеть, она просто наше собственное мышление. И вот это первое. Так что, дискутируя с историками-позитивистами, первое, что надо им сказать: мыслить «объективно», без метафорических предупреждений своей культуры нельзя. И они всегда говорят от имени своей культуры, они не говорят от имени XVIII века, и они не говорят от другой культуры, они всегда, даже если напишут отличную

книжку об истории Украины, останутся историками своей культуры. И можно определить, что это польское мышление о польской истории или польское мышление об украинской истории. Это невозможно преодолеть, потому что главным сюжетом польской истории есть ценности «польские», главные для нас, и никуда не убежать от них и в комплексе эмоций и «болезней» украинского историка всегда найдёшь подобные (но «свои»), даже не очень напрягаясь. Посмотришь пристальнее и заметишь. Даже, если это будет работа Яковенко, даже если это будет Грыцак. Найдёшь также как и у нас. И у французов найдёшь французский менталитет, их мышление в культуре найдёшь. Так что первая степень тенденциозности – непреодолимая. Вторая степень – это будет мышление твоей школы, твоей ориентации, твоих книг, твоей учёбы, твоей случайной дороги, ты попал, я, мы попали, случайно на семинар, случайно попали в Харьков, и в Харькове были такие семинары, не другие...

С. П.: Это более или менее случайное...

В. В.: Да, конечно... Можно свободно о Вас подумать как об историографе. Вы настолько способны, что может даже были бы генетиком, не знаю, случайно, или филологом, или историком литературы, но, скажем, если историком, то необязательно в определённой области. И в моём случае тоже так получилось: моя профессор медиевистики сказала мне, что с моим мышлением и с моими прочитанными книгами надо идти к Топольскому. И вторая зона определения моего мышления – это случайная дорога, индивидуальная, определённой школы, определённой профессии. Есть разница большая между историком политики XX века и, скажем, историком культуры Древнего Рима: разные источники, другие способы построения нарратива, всё другое. Можно быть тенденциозным в своей области знаний, в современной политической истории мы знаем как это бывает, как можно быть тенденциозным: без развёрнутой исторической аргументации и без опоры на документы говорить другим что и как происходило.

С. П.: В категорической форме.

В. В.: Да, именно, в такой авторитарной форме, говорить что и как это было. Что было зло, что хорошо, что принесло пользу, ну и т.д., что красиво, что некрасиво – говорить без аргументации. Но если есть развёрнутая аргументация, которая предполагает ссылки на литературу и источники, то любая позиция возможна, и поддерживать ее возможно.

С. П.: Спасибо. В рамках Вашего понимания современных тенденций в развитии науки, чтобы Вы пожелали украинским историографам?

В. В.: Старым – чтобы они ушли на пенсию. Пусть они сидят дома и пишут книжки, им не надо иметь контактов со студентами. Пусть пишут книжки. Дать им, скажем, три тысячи евро в месяц, думаю, что если они получают три тысячи евро, они пойдут на пенсию. Это будет более полезно для историографии. Дальше, профессора среднего возраста, скажем, до 60, – им предписать каждые полгода отпускать своих учеников за границу. Значит, полгода ты пробудешь за границей, а полгода ты вкальываешь, я не знаю сколько там часов со студентами, и ничего больше не надо. Конечно, «за границу» не значит в театр, на пляж и так далее, а только в научные институты. Может быть даже в Польшу, для начала. В определённое хорошо выбранное место, ведь у нас тоже есть «скансены» мышления. И ты молодой человек, студент, аспирант, если у тебя есть божий талант, сохранишь свою украинскую душу, даже если ты там проведёшь три года, в Штатах, в Англии или во Франции. Но в итоге будешь эффективнее работать на пользу украинской гуманитаристики, украинской историографии.

С. П.: А что молодым?

В. В.: А что молодым? Молодым можно пожелать, чтобы те две первые группы... [улыбается]

С. П.: Чтобы произошло сказанное, да? [смеется] Всё, логично. И точка стоит на своём месте! Спасибо, профессор!